

МАРИЭТТА ЧУДАКОВА

НЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ПОЛКА
ПЕРВАЯ

ПОЛКА
ВТОРАЯ

ПОЛКА
ТРЕТЬЯ

в р е м я   ч и т а т ь !

Мариэтта Омаровна Чудакова Не для взрослых. Время читать! (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3915385

Мариэтта Чудакова. Не для взрослых. Время читать!: Время; Москва;

2012

ISBN 978-5-9691-1082-3

Аннотация

Знаменитый историк литературы XX века, известный знаток творчества М. Булгакова, а также автор увлекательного детектива для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной» рассказывает о книгах, которые во что бы то ни стало надо прочесть именно до 16 лет – ни в коем случае не позже! Читатели полюбили ее «Полки», на которых выставлены лучшие книги мировой литературы. И теперь три «Полки» составили один том.

Содержание

Полка первая	8
Не пропустите отрочество!	8
1	8
2	10
3	11
Про американцев	19
Читайте Толстого!	26
1	26
2	27
3	31
Про Тома Сойера и его замечательные качества	37
1	37
2	39
3	42
Про милосердие	49
1	49
2	50
3	54
Про животных	61
1	61
2	64
3	67

4	71
Про честь и мужество	73
1	74
2	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мариэтта Чудакова
Не для взрослых.
Время читать!

*Памяти моей любимой племянницы Танечки
Мишиной*

Полка первая

Не пропустите отрочество!

1

Мой старший брат выучил меня читать, когда мне было пять лет (а ему – пятнадцать). Сейчас этим никого не удивишь, а тогда было в диковину. И считалось, что много читать в таком возрасте нельзя: врачи уверяли, что может что-то случиться с головой. Ходил слух, что кто-то пятилетний даже сошел с ума от неумеренного чтения. И моя умная мама, мать пятерых детей (я была четвертая), верила врачам!

Я же действительно стала читать как сумасшедшая (будто медицинские предостережения уже подтвердились). И старшие ловили меня в разных углах коммунальной квартиры с криком: «Опять читает!» И мама тревожно восклицала: «Сейчас же отнимите у нее книжку!»

В первом классе на уроках чтения я и правда потихоньку сходила с ума – от скуки: когда одноклассники (тогда обучение мальчиков и девочек было раздельное) заунывно читали по слогам букварь: «Ма-ма мы-ла ра-му».

Дождаться не могла, когда же кончатся уроки. И летела

со всех ног домой – там меня ждал *«Таинственный остров»*
Жюль Верна...

Жюль Верн

Так навсегда и связалась у меня первая школьная осень
с захватывающим чтением толстого синего тома из тогдаш-

ней «Библиотеки приключений». После него пошли другие романы Жюль Верна – и «Дети капитана Гранта», и «Пятнадцатилетний капитан», и «20 тысяч лье под водой»...

...Ах, этот подводный дворец капитана Немо!.. Читала, затаив дыхание в буквальном смысле слова, – то есть забывая вдохнуть и выдохнуть.

2

Когда-то в России был такой возраст: *отрочество*. Недавно Лев Толстой так и назвал три части своей трилогии: «Детство», «Отрочество», «Юность».

В самом главном нашем Академическом словаре написано, что отрочество – «возраст между детством и юностью».

По-моему, довольно непонятное пояснение. Когда кончается детство? У всех по-разному. У одних – в шесть лет: они уже и младших нянчат, на огороде и во дворе родителям повзрослому помогают. А приходилось встречать и таких, у кого оно и в 40 лет еще не кончилось.

Вот в словаре Даля про отрочество сказано более четко – это пора (хорошее, между прочим, слово) «от 7 до 15 лет».

Потом, в советское время, эта самая пора куда-то подевалась... «Советские дети» (нередко добавлялось – «самые счастливые в мире»), а потом сразу – «советская молодежь».

Правда, было еще такое выражение – «пионеры и школьники». Это вообще не очень понятно, что такое, потому что

с третьего класса всех поголовно принимали в пионеры, никакого согласия ни у кого не спрашивали.

Да, еще называли – «учащиеся». Все вообще, кто ходил в школу или в какое-нибудь училище. А лет с семнадцати они уже были – «молодежь и студенты». Например – «Всемирный фестиваль молодежи и студентов» (летом 2007 года как раз отмечали его 50-летие). Тоже не очень-то понятно – ведь и студенты не старики.

Ну, советская власть давно кончилась и уже нельзя ее спросить – почему ей так не нравилось это слово. Но этот возраст – *отрочество* – все равно существует. И он, может быть, самый важный в жизни человека.

В это время складываются привычки. Хорошие или плохие, но на всю жизнь. Совершаются благородные поступки – потому что тяга к добру еще не задавлена, не скорректирована корыстными или еще какими-нибудь расчетами. Принимаются важные решения. И некоторые люди следуют тому, что решили в отрочестве, всю свою жизнь.

В это важное, но короткое время или прочитываются некоторые книги – или не прочитываются уже никогда.

3

Потому что есть три закона чтения, и два с половиной из них выведены мною лично.

Первый:

нет книг, которые читать – рано.

Второй:

есть книги, которые читать – поздно.

И третий:

именно в отрочестве надо составить список книг, которые в жизни надо обязательно успеть прочесть. Составить – и после этого отказаться от чтения всякой чепухи, которой сейчас везде – навалом.

Поясню *первый* закон. Никто не скажет вам заранее, *что* именно вам читать рано. Потому что – у всех по-разному! Одному – рано, а другому – в самый раз. А его ровеснику до самой старости будет рано: читает – и не может понять, что к чему.

Если вам рано читать эту книжку – вы сами же первый это и заметите. И отложите ее до лучших дней – или будете читать с пропусками, выискивая то, из-за чего вам ее родители, собственно, не давали читать. Ну и что? Ничего не потеряете и ничего не приобретете.

Помню, в шестом классе спросила старшего брата – моего постоянного советчика по чтению – что мне почитать? Он сказал через плечо, секунду подумав: «Читай "Записки Пиквикского клуба" Диккенса!»

Для меня каждое его слово было истиной в последней инстанции. Побежала в библиотеку (записана была в районной с третьего класса – Интернета тогда, представьте себе, не было), взяла. Стала читать – скучно, нет сил! Иллюстрации

смотреть интересно: толстяк мистер Пиквик, худой Джингль... А читать – не могу, и все. Как мне было стыдно! Как же так? Брат считает, что книга – для меня, а я значит, так глупа? Потихоньку от него сдала книгу в библиотеку, так и не прочитав, – первый, наверно, случай в моей жизни.

Через четыре года, в десятом классе взяла снова. И – читала взахлеб! Не могла понять, как она мне могла казаться скучной. Поумнела, значит, сильно за четыре года – доросла до Диккенса...

Так что если книга оказалась вам не по возрасту, не по уму – ничего страшного, вернетесь к ней позже. Но установить это можно, мне кажется, только опытным путем – начав читать. Знаю точно, что одни в 15 лет проглатывали «Преступление и наказание» Достоевского, для других чтение гениального романа было истинным наказанием.

Со *вторым* законом дело обстоит серьезнее.

Да, есть такие книжки, которые надо прочесть именно лет в 12, в 14...

Во-первых, только в этом возрасте вы получите от нее сто-процентное удовольствие. А во-вторых – создадите себе задел (то есть нужный запас) на будущее. Это же здорово – перечитать когда-нибудь на отдыхе «Приключения Тома Сойера»! Я знаю людей, которые перечитывали эту книжку своего детства – со знакомыми иллюстрациями! – несколько раз: в 25 лет, потом около сорока лет и так далее. Но я не встречала таких, кто уселся читать ее первый раз в 40 лет.

Во-первых – некогда. Во-вторых – и в голову не придет. А в-третьих, если и возьметесь – вряд ли будете читать взахлеб. Так, полистаете с легкой улыбкой. «Жаль, – скажете, – что в детстве не попалась...»

Чарльз Диккенс

В общем, поленился в свое время – проиграл на всю жизнь.

Что касается *третьего* закона – многие подумают:

а что плохого в чтении пустых, попавшихся случайно под руку или просто модных в этот момент книг?

Некоторые так и считают – а что? Ничего особенного. Мура, но читать можно.

А дело-то главным образом в том, что плохая книжка *на всегда* лишает вас возможности прочесть хорошую.

– Почему же навсегда-то? – спросите вы с возмущением. – Прочитал плохую – теперь почитаю хорошую! Какие дела?..

А вот такие. Время-то не безразмерное.

Когда я училась в шестом классе и продолжала читать, как говорится запоем, вдруг вычитала где-то, что человек за жизнь может прочесть, кажется, не более 7 тысяч книг.

Неважно, точная это цифра или нет. Важно то, что я пришла в ужас от мысли, что читаемые мною второсортные книги, поглощая отмеренные человеку для чтения часы (их и так не очень много остается – от других дел), явно меня чего-то лишают. В первую очередь – возможности прочесть какие-то другие книги – те самые, которые в жизни прочесть *необходимо!* Я еще не знала толком – какие. Но уже точно знала, что они – есть.

Тогда я стала думать – от чего же отказаться? (Я уже понимала, что поглощаю, охваченная жаждой чтения, и некачественную литературу тоже.) Я любила, например, тогдашнюю «научную фантастику» (сейчас одно издательство ее переиздает, но делает это совершенно напрасно). В этих книжках в те советские годы обязательно ловили каких-нибудь

шпионов, охотящихся за замечательными советскими изобретениями и самими изобретателями. Меня увлекала сама детективность сюжета: выслеживание, преследование. Но вот что интересно. Потому, может быть, что к этому времени уже было прочитано немало первоклассных книг, я смутно чувствовала, что эта «фантастика» – в общем-то, дешевка (хотя, как советская пионерка, не подвергала сомнению то, что наша жизнь, конечно же, кишит шпионами). И с того дня дала себе слово больше не читать «фантастику». И держала зарок – представьте себе! – до конца университета. Боялась тратить драгоценное время не на *чтение*, а на *чтово*.

До тех пор, пока один приятель не сказал мне, что это я напрасно.

И я узнала от него, что давно появились три прекрасных фантаста – Станислав Лем, Айзек Азимов и Рэй Брэдбери... И после этого всех их прочла и восхитилась. Но это – особая тема, к ней со временем вернусь.

У полки (иногда ее называют – *золотая полка*), на которой стоят вот эти самые книги, которые надо успеть прочитать до 14 – 15 лет (ну в крайнем случае – до 17), есть одно свойство: не все *видят* те книжки, которые на ней стоят. Кто-то и во всю свою жизнь многих из них так и не увидит – и, конечно, не прочтет. То есть не узнает просто даже названия книг, не прочитать которые так же обидно, как никогда не увидеть, например, другие страны.

Если же кто-то скажет – «Подумаешь, какие дела – ну не

прочитаю какую-то книжку!...» – так это все равно, что сказать: «Подумаешь – не увижу какой-то ваш Париж!»

Александр Дюма

Не будете же вы кидаться объяснять такому человеку, зачем нужно увидеть в жизни Париж или, скажем, Рим. Просто пожмете плечами, да и все. Кто-то, может, еще у виска

пальцем покрутит – соображай, мол, что несешь. И потому же неохота будет вам занудно ему объяснять, почему стоит и даже обязательно нужно прочитать те самые книги, которые задолго до тебя читал весь мир. И все восторгались. И говорили друг другу: «Как, ты еще не читал?»

И когда приятель тебе скажет: «Ты что – читать книжку собрался? Зачем тебе это надо?!», то вряд ли все-таки миллионы людей были глупые, а он – умный. Скорей уж наоборот, вот что я думаю.

Объяснять такому – только зря время тратить. А тем, кто поумней, кто все, о чем мы тут говорили, хорошо понимает и только ждет дельного совета, рада буду помочь.

Укомплектуем постепенно вместе одну за другой ваши золотые полки **НЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**.

На ней будут стоять и книги русских писателей, и переводные – скажем, французы Жюль Верн или Дюма, американцы О. Генри и Марк Твен, англичане – Стивенсон, Конан-Дойл, Дефо или Честертон и многие другие.

Про американцев

Рассказы **О. Генри**, например, можно как раз читать в любом возрасте – хоть в 10 – 12 лет, хоть в 80. Но почему бы не начать пораньше? Он писал в конце XIX века – начале XX века и изображал Америку этого времени, с ее ковбоями и гангстерами. Начал писать, между прочим, в тюрьме, где три года сидел за растрату (не знаю – справедливо или нет). Поэтому ему пришлось переправлять рассказы в журналы тайно и печатать под псевдонимом (настоящая его фамилия Портер). И вышел на свободу уже известным писателем.

Начните хотя бы с его рассказа «Вождь краснокожих».

Двум американцам с Юга, из штата Алабама, не хватало двух тысяч долларов на проведение, как сами же они простодушно называли, «жульнической спекуляции земельными участками...» И они похитили единственного сына «самого видного из горожан», десятилетнего рыжего мальчика – чтобы получить у отца выкуп. Что из этого вышло – описано очень интересно и смешно. Не буду пересказывать, чтобы не портить вам впечатления. Приведу только последнюю фразу – уж очень она в духе и стиле О. Генри: «Хотя ночь была темная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города».

Если уж мы начали с буквы «А» – с американского писателя, то расскажу про еще одного. Он уже тем нам интересен, что одна из его сказок («Легенда об арабском звездочете» – тоже увлекательная) подсказала Пушкину сюжет «Сказки о золотом петушке» (открыла это Анна Ахматова – до нее никто и не догадывался).

Это писатель **Вашингтон Ирвинг**. Он родился в тот самый год – 1783-й, когда Америка стала Америкой (в России ее стали называть *Северо-Американские штаты*) – то есть добилась независимости от Британской империи. Будущего писателя и назвали в честь первого президента страны – Джорджа Вашингтона: фамилия президента стала его именем.

Про героя его рассказа «Рип ван Винкль» (это имя прак-

тически стало нарицательным – еще и поэтому рассказ надо обязательно прочесть, а то так и не поймете, о чем речь, когда вдруг услышите реплику образованного человека – «Ну, это просто Рип ван Винкль!») автор говорит: «Большим недостатком в характере Рипа было непреодолимое отвращение к производительному труду. Это происходило, однако, не потому, что у него не хватало усидчивости или терпения, – ведь сидел же он сиднем, бывало, на мокром камне с удочкой...

Короче говоря, Рип охотно брался за чужие дела, но отнюдь не за собственные; исполнять обязанности отца семейства и содержать ферму в порядке представлялось невыносимым и невозможным».

У него была собака по имени Волк. И вот однажды, чтобы избавиться от работы на ферме, Рип взял ружье и отправился вместе с Волком бродить по лесам. Забрался далеко. И вдруг слышит окрик: «Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!» А его Волк тут же «ощетинился, зарычал, прижался к хозяину и замер...» И вот Рип видит странного незнакомца «с густою гривою волос и седой бородой. Одет он был по старинной голландской моде: в суконный камзол, перетянутый у пояса ремнем, и несколько пар штанов, причем верхние, необыкновенно широкие, были украшены сбоку и рядами пуговиц, а у колен – бантами. Он тащил на плече изрядный бочонок, очевидно наполненный водкой, и подавал Рипу знаки, прося его приблизиться и помочь».

Кстати, насчет голландской моды – голландцы рано оказались на американском континенте и даже основали (в 1626 году) город Нью-Йорк, назвав его Новый Амстердам (позже англичане его переназвали).

...И вот эти двое карабкаются вверх по высохшему руслу ручья, попадают в ущелье и, пройдя его, выходят в лощину, «похожую на маленький амфитеатр». И Рип ван Винкль увидел – внизу на площадке «компания странных личностей резалась в кегли. На них было причудливое иноземное платье», а на лицах – суровое выражение. Они молчали; «никогда еще Рипу не доводилось присутствовать при такой унылой забаве». И только стук шаров будил в горах громкое эхо, грохотавшее подобно громовым раскатам.

Спутник молча делает ему знаки – чтоб разносил играющим кубки с вином. А лица у всех игроков «такие странные, такие чужие, такие безжизненные, что у Рипа екнуло сердце и задрожали поджилки».

Отхлебнул потихоньку напитка и Рип – «и нашел, что по вкусу и запаху это – отменная голландская водка». Сделал еще глоток, еще – и «погрузился в глубокий сон». Когда же проснулся на том же самом зеленом бугре – было утро; пса его рядом не было. А «вместо нового, отлично смазанного дробовика, нашел рядом с собою старый кремневый мушкет; ствол был изъеден ржавчиною, замок отвалился, червями источено ложе».

А что было с ним дальше – прочитаете, надеюсь, сами.

Читайте Толстого!

1

Я упоминала трилогию Льва Толстого – «*Детство*», «*Отрочество*», «*Юность*».

Уж во всяком случае две первые ее части надо торопиться прочитать. Главное – только открыть книгу и начать. А оторваться – я вам это гарантирую – будет уже трудно. Вот совсем маленькая девятая глава из «Детства» – «Что-то вроде первой любви»:

«...Я смотрел через плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочке, подставляя ему его на дороге.

Я заметил, что многие девочки имеют привычку подергивать плечами, стараясь этим движением привести спустившееся платье с открытой шеей на настоящее место. Еще помню, что Мими¹ всегда сердилась за это движение и говорила: «*C'est un geste de femme de chambre*»². Нагнувшись над червяком, Катенька сделала это самое движение, и в то же время ветер поднял косыночку с ее беленькой шейки. Плечико во время этого движения было на два пальца от моих губ. Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и изо всех сил

---

¹ Гувернантка сестры героя повести и мать Катеньки.

² Это жест горничной (*фр.*).

поцеловал плечо Катеньки. Она не обернулась, но я заметил, что шейка ее и уши покраснели. Володя³, не поднимая головы, презрительно сказал:

– Что за нежности?

У меня же были слезы на глазах».

А «Отрочество»? Один рассказ гувернера Карла Ивановича о своей жизни – рассказ, где немецкий мешается с ломаным русским, трудно читать спокойно. Вот он после девяти лет военной службы оказывается в родном доме. «И мое милы маменька выходит из задня дверью. Я сейчас узнал его. "Вы знаете наша Karl", он сказал, посмотрел на мене и, весь бледны, за... дро... жал!.. "Да, я видел его", – я сказал и не смел поднять глаз на нее; сердце у меня пригнуть хотело. "Karl мой жив! – Сказала маменька. – Слава Богу! Где он, мой милый Karl?.." – и он заплакал... Я не мог терпеть... "Маменька! – я сказал, – я ваш Карл!" И он упал мне на рука...»

Карл Иваныч закрыл глаза, и губы его задрожали».

2

Но уж что точно надо прочитать пораньше, лет в 10 – 12, потому что позже такого сильного впечатления может уже и не быть, – это рассказ Л. Толстого «Кавказский пленник».

Само его начало стало уже частью нашей культуры –

---

³ Старший брат.

столько поколений читали его, порою вслух, «с выражением»: «Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин».

Толстой и сам четыре года служил на Кавказе, во время нескончаемой Кавказской войны, которую вела Россия, пока не подчинила наконец Северный Кавказ.

В рассказе всех горцев называют «татарами», хотя татар на Кавказе и не было – просто тогдашние «простые» люди (а Толстой пишет как будто не от себя, а от лица простого и даже простоватого участника этой войны) знали в России только одних мусульман – татар. Ну и всех других мусульман – аварцев, чеченцев – «записывали» в татары.

«На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы». И дальше – история пленения двух русских офицеров, Жилина и Костылина, и их неудачных побегов. И вот пленники ждут денег из дому – «татары» обещали их за выкуп выпустить. Вернее, Костылин ждет, а Жилин нет – он нарочно послал письмо с неверным адресом, потому что точно знает, что у его матери денег нет.

И «татары» под пером Толстого оказываются все разными. Один относится к пленникам неплохо, а другой требует от него убить русских, а не держать их в ауле.

И Жилин, который за время плена стал «немножко пони-

мать по-ихнему», спрашивает своего хозяина:

– Что это за старик?

Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца; нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку Богу молиться, от этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош!»

А особенно полюбила Жилина дочка хозяина, девочка Дина. И однажды подошла она к его яме (а после неудачного побега их держали уже в яме), «присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой». Он стал бросать ей игрушки, которые наделал для нее, сидя в яме. «Не надо, – говорит. Помолчала, и посидела, и говорит:

– Иван, тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят, а мне тебя жалко».

3

Вообще не знаю другого русского писателя, кто бы так, как Толстой, понимал и чувствовал Кавказ, особенные черты быта, особый склад личности горцев (а люди, всю жизнь живущие в горах, – даже разных национальностей – имеют общие черты: суровый быт их определяет).

Напомню еще раз удивительно простые слова, которыми сообщает нам Толстой – «На Кавказе тогда война была».

Написать просто – это самое трудное. И вся повесть «Кавказский пленник» написана именно так, что она понятна даже тому, кто первый раз в жизни взял книжку в руки. Тол-

стой не смущается тем, чтоб употребить просторечный оборот (например – «шарит по нем» вместо – «по нему») – будто о том, как Россия завоевывала Северный Кавказ (сегодняшние Чечня и Дагестан) рассказывает человек не очень-то образованный.

Там воевали русские офицеры. И Толстой сумел увидеть все происходящее взглядом писателя, который одинаково хорошо понимал совсем разных людей, в том числе и людей разных наций – не только русских. Он умел чувствовать за всех и горевать обо всем сразу.

В повести дальше – очень трогательные картины. Как Костылин – «мужчина грузный, пухлый», из-за которого один раз уже не удался побег, – отказывается от второй попытки.

«Нет, – говорит, – уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться сил нет?»

– Ну, так прощай, не поминай лихом. – Поцеловался с Костылиным».

А Жилину помогает местная девочка Дина – тайком, конечно, от старших. Принесла длинный шест – он по нему выбрался из глубокой ямы; а Костылин так и остался в ней. Но надо же еще колодку с ноги снять – два таких тяжелых бруса, соединенных кольцами и замком. Каторжникам в России тоже надевали такие – потому их называли долго *колодниками*. («Колодников звонкие цепи / Взмечают дорожную пыль...» – пелось в старинной песне.)

«...Взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать».

вать. А замок крепкий, никак не собьет...

Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

– Дай, я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, ничего силы нет. Бросила камень, заплака-

ла. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. ...Месяц встает. «Ну, – думает, – до месяца надо лошину пройти, до леса добратся». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шарит по нем руками, ищет, куда бы ему лепешки засунуть. Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте, слышно, монасты в косе по спине побрякивают».

Что было дальше – прочитаете сами.

А потом неплохо было бы взять да и открыть томик из собрания сочинений Пушкина (не представляю, чтобы у вас дома его не было) – и, не откладывая до лучших времен («Мы этого еще не проходи-и-ли!..»), прочитать поэму Пушкина с тем же названием – «Кавказский пленник». Потому что Пушкина читать *никогда не рано*.

Тогда вы поймете, что Толстой недаром повторил название хорошо ему знакомой поэмы.

Там черкесы тоже привозят в аул схваченного ими русско-го офицера.

Он ждет смерти. Но полюбившая его юная черкешенка, узнав о том, что там, в России, он любит другую, – помогает ему бежать: «Найди ее, люби ее...».

Принесенной ею пилой пленник перепиливает кандалы, переплывает реку, оглядывается:

Глядит назад... берега яснили
И опененные белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Все мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Про Тома Сойера и его замечательные качества

1

А теперь вновь перенесемся через Европу, через Атлантический океан – на другой материк, в Америку. Там родился человек, который впоследствии стал писателем, взяв себе псевдоним **Марк Твен**.

И кто не прочтет до 16 лет *три* из множества написанных им книг, тот потеряет так много, что мы даже не знаем, с чем это сравнить. Ну, например – *ни разу* до этого возраста не прокатиться на роликах, не выкупаться в речке или хоть в пруду, а если речь о мальчике – ни разу не ударить по футбольному мячу!

Первая из этих книг – «Приключения Тома Сойера». Те, кто, как я, прочли ее своевременно, на всю жизнь получили пароль – первые ее строки, которыми могут перекликаться с сообщниками-читателями и всегда получают отзыв – строки следующие. В переводе Корнея Ивановича Чуковского они почему-то запоминаются навсегда.

« – Том!

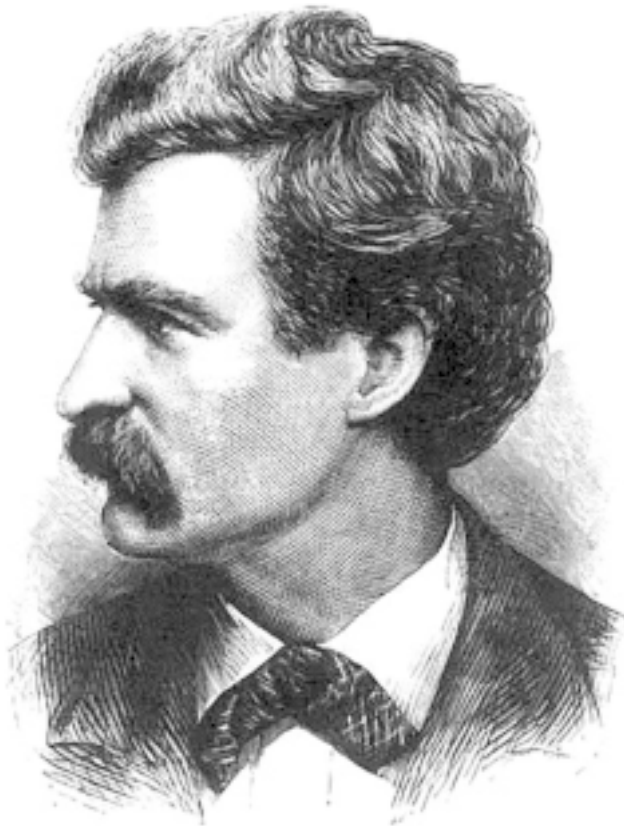
Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Куда же он запропастился, этот мальчишка?..

Том!»

Марк Твен много знал про жизнь мальчишек гораздо раньше, чем стал Марком Твенем.

Сэмюел Клеменс родился в 1835 году и с четырех лет жил в большой семье на берегу огромной реки Миссисипи, ко-

торая несла свои воды из свободных штатов Севера Америки на рабовладельческий Юг. Почему, спросите вы, такая разница между Севером и Югом одной и той же страны? На Севере преобладали мелкие фермерские – то есть семейные – хозяйства, развивалась промышленность. А на Юге на огромных плантациях выращивали хлопок, табак и рис. И там придумали еще в начале XVII века врываться в Африке в поселения, захватывать целыми семьями людей, вести их через океан в цепях (по дороге часть умирала от голода, жажды, палящего солнца и болезней) – и дома обращать в рабство, заставляя работать на своих полях. Только в 1861 году – как раз в тот год, когда царь Александр II отменил крепостное право в России, – началась в Америке Гражданская война между Севером и Югом. Возглавил ее тогдашний президент Авраам Линкольн. Через пять лет южане потерпели поражение. Чернокожих американцев объявили такими же свободными, как все остальные. И через пять дней после этого расисты, которые всегда есть в любой стране (когда человеку нечем гордиться, он хвалится цветом своей кожи или волос, разрезом глаз и прочее, а непохожих на него готов убивать), застрелили президента Линкольна. Но война за реальное равноправие шла в Америке еще очень долго, и даже в середине минувшего века полицейские в одном из штатов каждый день сопровождали маленькую темнокожую девочку в школу и дежурили все уроки, чтобы всякие подонки ее не обижали. Сегодня, замечу, в давным-давно свободной

для всех одинаково Америке, потомки этих рабов, никогда в глаза не видевшие Африки, стали называть себя афро-американцами и требовать от правительства огромных компенсаций за прежнее рабство их предков. Вот как плохо обращать людей в рабов! Бумеранг возвращается тогда, когда его уже и не ждет никто.

Вернемся к семье Клеменсов, живущей в маленьком американском городке. Когда Сэмюелу было 12 лет, умер его отец. И им со старшим братом пришлось зарабатывать деньги на себя. После уроков Сэмюэл шел в типографию, где работал учеником наборщика. Иногда приходилось пропускать школу – стоять у печатного станка весь день. За работу он получал еду и одежду. А в свободное время играл в индейцев или подкладывал ужей в корзинку своей тетушки...

А потом, уже в молодости, стал плавать лоцманом на пароходах по Миссисипи.

3

В книге о приключениях Тома Сойера действует сам Том – мальчик, что называется, из хорошей семьи, и его приятель Гек – босяк, как сказали бы мы сегодня – бездомный. Про него потом Марк Твен напишет отдельную книгу – от его лица: «Приключения Гекльберри Финна».

Том поражает прежде всего своей энергией, постоянной жаждой целеустремленных действий. Если необходимости в этом нет, он их себе придумывает. Но это не значит, что Том не любит увильнуть от работы. Наоборот, очень даже любит – если она монотонная, однообразная. И главное – если не он сам ее себе придумал, а ему велят ее сделать. Тогда Том применяет свою потрясающую изобретательность для того, чтобы от нее избавиться.

Вот поручила ему тетушка красить забор. Ну что тут интересного для такого человека? Води и води кистью по доскам. Так Том стал красить с таким азартом и удовольствием, что к нему начали приставать приятели, чтобы он дал им тоже немножко покрасить! И он с неохотой (будто бы!) стал разрешать им это – по очереди. И за него выкрасили весь забор.

«Том с упоением художника водил кистью взад и вперед, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям добавлял штришок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь все больше и больше. Наконец сказал:

– Слушай, Том, дай и мне побелить немножко!

Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но в последнюю минуту передумал:

– Нет, нет, Бен... Все равно ничего не выйдет».

Почему же – как вы думаете?

«...Из тысячи... даже пожалуй, из двух тысяч мальчиков

найдется только один, кто сумел бы выбелить его как следует.

– Да что ты? Вот никогда бы не подумал. Дай мне только попробовать... ну хоть немножечко».

Итак, первая рыбка проглотила наживку.

«К тому времени, как Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за совсем нового бумажного змея; а когда и Фишер устал, его сменил Джонни Миллер, внося в виде платы дохлую крысу на длинной веревочке, чтобы удобнее было эту крысу вертеть, – и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. ...А на заборе оказалось целых три слоя известки! Если бы известка не кончилась, он разорил бы всех мальчиков этого города».

Зато вообразите, с какой физиономией вошел он к тете Полли и спросил невинным голосом: «А теперь, тетя, можно пойти поиграть?»

– Как? Уже? Сколько же ты сделал?

– Все, тетя!

– Том, не лги! Я этого не выношу.

– Я не лгу, тетя. Все готово».

И он действительно не лгал.

Надо помнить, что Америка (я имею в виду США, Соединенные Штаты Америки) – страна, которую создали, построили своими руками люди, рискнувшие покинуть навсе-

гда свой дом и страну, пересечь Атлантический океан и высадиться на совсем незнакомом материке, где у них не было ни кола ни двора. Все зависело от их рук и головы, их энергии, выносливости, воли. Поэтому в американской литературе (а потом и в кино) возник культ предприимчивых, энергичных людей, которые во всех трудных жизненных обстоятельствах надеются в первую очередь на себя. А сами при этом готовы прийти на помощь к другим. Вот такой и Том Сойер.

Именно в силу своей предприимчивости герои американских писателей, чтобы добиться своей цели, придумывают самые невероятные комбинации. Но для Марка Твена очень важно, что его герои поступают честно (все-таки заставить за себя белить забор, да еще получить за это в придачу дохлую крысу – согласитесь, довольно невинная хитрость: в результате ведь все остались довольны) – и не отказываются подействовать другим, когда надо.

Том с Геком убегают в пираты, переполошив весь город. Они ищут клад (а находят ли – я вам рассказывать не буду). Том с прямым риском для жизни, преодолев смертельный страх, спасает невинного человека от виселицы. А каким смелым, каким надежным товарищем оказывается Том во всех рискованных ситуациях, в которые попадает обычно по своей вине! Не зря девочка Бекки, в которую он влюблен, восхищается им. Про то, что было с ними обоими в пещерах, когда весь город их искал, вы точно будете читать с замиранием сердца.

Про милосердие

1

А что это вообще такое – *милосердие*?

Знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный еще в позапрошлом веке Владимиром Ивановичем Далем, поясняет: «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость».

Тут важно, что имеются в виду не просто вздохи и восклицания – «Ой, как мне его жалко!», а «любовь на деле», *готовность к помощи* страдающим. Недаром в России до Октябрьской революции 1917 года называли не *медсестра*, а – *сестра милосердия*. А раненые солдаты чаще обращались – *сестричка!*

Потому что без милосердия в душе нечего и братья ухаживать за больными.

Милосердие – умение почувствовать боль другого человека, физическую или душевную, как свою. Вообще-то такое свойство – дар, то есть – не всякому дано.

То есть на самом-то деле *милосердие* дано любому, только у некоторых может всю жизнь находиться в спячке, где-то в самом далеком чулане сознания. И человек так и живет себе,

вообще не замечая других людей, их чувств, горестей. Или думая – «Мне-то какое дело, что ему плохо! Мне от этого ни жарко ни холодно!»

Пока однажды не прохватит такого бесчувственного жаром или холодом до самых костей – и тогда он вдруг поймет, что к чему...

Буквально любой человек может не чувствовать, не чувствовать – и вдруг в один прекрасный момент очень даже почувствовать! Ему вдруг станет кого-то очень жалко и захочется помочь.

Ну и слова *милость, миловать* – того же корня и смысла. Недаром Пушкин, размышляя над тем, чем же он долго будет любезен своему народу, закончил свой небольшой перечень строкой:

...И милость к падшим призывал.

То есть надо уметь миловать порою и тех, кто виновен, – *падших...*

2

Была такая замечательная детская писательница – Валентина Осеева. Вот кто умел просто, без нотаций и нравоучений показать, что надо жалеть друг друга!

В детстве я очень любила ее маленький рассказик «Синие листья» – как у Кати было два зеленых карандаша, а у Лены – ни одного, она попросила у Кати, а та говорит – «Спрошу у

мамы». А на другой день Лена спрашивает: «Позволила мама?» А Катя (просто жадина, по-моему) «вздыхнула и говорит: – Мама-то позволила, да брата я не спросила».

Ну а потом, когда она все-таки дает свой карандаш, то приговаривает:

«...не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

– Мне, – говорит Лена, – только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зеленую.

– Это много, – говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на нее Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

– Ну что ж ты? Бери!

– Не надо, – отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

– Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

– Карандаша зеленого нет.

– А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

– Я ей давала, а она не берет.

Посмотрел учитель на обеих:

– *Надо так давать, чтобы можно было взять».*

Вот эту последнюю фразу, которую я выделила курсивом, – сколько же раз в жизни я ее вспоминала!..

Но это, конечно, рассказ для младших – первоклассников,

второклассников.

А есть у Осеевой два рассказа, которые мне очень нравились в 10 или 12 лет – «Рыжий кот» и «Бабка». И когда перечитываю – они мне по-прежнему нравятся.

«Как-то летом Левка, примостившись на заборе, помахал рукой Сереже.

– Смотри-ка... рогатка у меня. Сам сделал! Бьет без промаха!

Рогатку испробовали. Мелкие камешки запрыгали по железной крыше, прошумели в кустах, ударились о карниз. Рыжий кот сорвался с дерева и с шипеньем прыгнул в окошко. Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спине. Мальчики захохотали. Марья Павловна выглянула из окна.

– Это нехорошая игра – вы можете попасть в Мурлышку.

– Так что же – из-за вашего кота нам и поиграть нельзя? – дерзко спросил Левка.

Марья Павловна пристально посмотрела на него, взяла Мурлышку на руки, покачала головой и закрыла окно».

Ребята продолжают свое дело. Сережа целится в водосточную трубу. «Из окна Марьи Павловны со звоном посыпались стекла. Мальчики замерли. Сережа испуганно оглянулся по сторонам.

– Бежим! – шепнул Левка. – А то на нас скажут!

Утром пришел стекольник и вставил новое стекло. А через несколько дней Марья Павловна подошла к ребятам:

– Кто из вас разбил стекло?

Сережа покраснел.

– Никто! – выскочил вперед Левка. – Само лопнуло!

– Неправда! Разбил Сережа. И ничего не сказал своему папе... А я ждала...

– Нашли дураков! – фыркнул Левка.

– Чего это я сам на себя пойду говорить? – пробурчал Сережа».

А Марья Павловна спрашивает: «Разве ты трус?

– Я не трус! – вспыхнул Сережа. – Вы не имеете права так меня называть!

– А почему же ты не сказал? – пристально глядя на Сережу, спросила Марья Павловна.

– Отчего, да почему, да по какому случаю... – запел Левка. – Неохота разговаривать! Пошли, Сережка!

Марья Павловна посмотрела им вслед.

– Один трус, а другой грубиян, – сказала она с сожалением.

– Ну и ябедничайте! – крикнули ей ребята.

Настали неприятные дни».

Ребята уверены, что соседка все скажет родителям. И решили заранее ей отомстить. Украли ее любимого кота и всучили первой попавшейся старушке. А этого кота очень любил умерший единственный сын Марьи Павловны. Все ее жалеют, все начинают искать кота по поселку.

Про все дальнейшие происшествия вы, надеюсь, прочтете сами.

А из рассказа «Бабка» приведу только начало:

«Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голо-
сом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой
расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед
глазами, как большая тень.

– Всю квартиру собой заполонила!.. – ворчал Борькин
отец.

А мать робко возражала ему:

– Старый человек... Куда же ей деться?

– Зажилась на свете... – вздыхал отец. – В инвалидном
доме ей место – вот где!

Все в доме, не исключая и Борьки, смотрели на бабушку как
на совершенно лишнего человека».

Найдите в библиотеке оба эти рассказа В. Осеевой – не
пожалеете!

3

И снова вернемся к **Марку Твену** – он того стоит.

В предыдущей главе шла речь про его повесть «Приклю-
чения Тома Сойера». А сейчас – про другую: «Принц и ни-
щий».

Прочитав первые ее строки, вы уже точно не сможете ото-
рваться от книжки, пока не прочитаете до конца. И в течение
жизни не раз с удовольствием перечитаете, как это только
что проделала я. Потому что к «взрослому» чтению присо-

единяется – помимо вашей воли, по какому-то психологическому закону – незабываемая радость чтения *первого*, в детстве.

«Это было в конце второй четверти шестнадцатого столетия.

В один осенний день в древнем городе Лондоне в бедной

семье Кенти родился мальчик, который был ей совсем не нужен. В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой английский ребенок, который был нужен не только ей, но и всей Англии. Англия так давно мечтала о нем, ждала его и молила Бога о нем, что, когда он и в самом деле появился на свет, англичане чуть с ума не сошли от радости. Люди едва знакомые, встречаясь в тот день, обнимались, целовались и плакали». Ну, еще бы – ведь у английского короля Генриха VIII (а кто хорошо учится, тот знает, что Тюдоры – одна из английских королевских династий) рождались дочери, а нужен был наследник престола, принц Уэльский (этот титул всегда носит наследник английского престола).

Заметим, что в историческом смысле народ, радуясь, оказался прав. В отличие от своего отца, жестокого правителя, отправившего на эшафот даже двух (из шести!) своих жен, в Эдуарде VI, волею судеб взошедшем на английский престол в десятилетнем возрасте, не было, как пишет самый авторитетный в конце XIX – начале XX века Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (он переиздан – всем читателям рекомендую в него заглядывать!), «высокомерия и властолюбия Тюдоров».

Конечно, Марк Твен пишет не учебник истории, а повесть. Он рассказывает, как Том Кенти (который много читал и много ухитрился узнать и понять к десяти годам своей нищей жизни) совершенно случайно оказался во дворце. Он стоял у дворцовой ограды и с восхищением смотрел на сво-

его ровесника-принца, а солдат оттащил его прочь со словами «Знай свое место, бродяга!»

«Толпа загоготала, но маленький принц подскочил к воротам с пылающим лицом и крикнул, гневно сверкая глазами:

– Как смеешь ты обижать этого бедного отрока! Как смеешь ты грубо обращаться даже с самым последним из подданных моего отца-короля? Отвори ворота, и пусть он войдет!

Посмотрели бы вы, как преклонилась пред ним изменчивая, ветреная толпа, как обнажились все головы! Послушали бы вы, как радостно толпа закричала: "Да здравствует принц Уэльский!"»

А дальше произошло то, что вполне могло быть и, возможно, правда, случилось в те далекие времена.

Принц с восторгом слушал про свободную, не скованную строгим дворцовым регламентом жизнь своего ровесника.

«Летом, сэр, мы купаемся и плаваем в каналах, в реке, брызгаем друг друга водой, хватаем друг друга за шею и заставляем нырять, и кричим, и прыгаем, и...

– Я отдал бы все королевство своего отца, чтобы хоть однажды позабавиться так! Пожалуйста, рассказывай еще!»

А потом принцу захотелось надеть на время одежду Тома, а Том-то как раз давно мечтал одеться хоть на минутку как принц – ему даже снилось это! Мальчики переодеваются, встают перед зеркалом – и совершенно ошеломлены тем,

что оказались похожи как две капли воды!

С этого все и начинается. Принц в лохмотьях выбегает, чтоб обругать часового, ударившего Тома, — и тут же оказывается выброшен за ограду своего же дворца: кто поверит, что этот босоногий оборвыш — принц Уэльский?

А Тома, естественно, во дворце все принимают за принца — мальчики не предусмотрели опасности их потрясающего

сходства.

Начинаются мытарства и страшные приключения принца в его собственном королевстве, где никто, конечно, не верит, что он принц. А Тому приходится править! Сначала – как наследному принцу, наравне с отцом, а дальше – еще пуще...

Он видит в окно дворца «толпу мужчин, женщин и детей беднейшего сословия, которые со свистом и гиканьем бежали по дороге». По его желанию узнают и сообщают, что эта толпа следует за мужчиной, женщиной и девочкой, которых ведут на казнь. «Смерть, лютая смерть ожидает троих несчастных! В сердце Тома словно что-то оборвалось. Жалость овладела им и вытеснила все прочие чувства; он не подумал о нарушениях закона, об ущербе и муках, которые эти преступники причинили своим жертвам, он не мог думать ни о чем, кроме виселицы... От волнения он даже забыл на минуту, что он не настоящий король, а поддельный, и прежде чем он успел подумать, у него вырвалось из уст приказание: – Привести их сюда!»

Что он делал дальше, поразив своих придворных, узнаете сами. В общем, скорее находите книжку и читайте! А то вырастете быстрее, чем успеете ею насладиться.

Про животных

1

Кто любит читать про животных – получит сейчас нужные советы. Кто не любит – вот и попробуйте прочесть что-нибудь из того, о чем я здесь упоминаю. Может, вам просто не попадались интересные рассказы про животных?

...Помню, как я впервые узнала из этой книжки, что такое *иноходец*.

«Я видел табун мустангов, который ходит на водопой к источнику Антилопы. Есть там и пара жеребят. Один маленький, черненький – красавец, прирожденный иноходец. Я гнался за ним около двух миль, и он все время бежал впереди и ни разу не сбился с рыси. Я для забавы нарочно погнался лошадей, но так и не сбил его с иноходи!»

Как есть люди, которые с детства не любят и не умеют врать, так есть лошади, которые с рожденья скачут не *рысью*, как все (перекрестный шаг – одновременно левой передней и правой задней, а затем – правой передней и левой задней), – а *иноходью*: один шаг – двумя левыми, другой – двумя правыми ногами одновременно.

В крестьянском хозяйстве такие лошади непригодны. Но *мустанг* – это дикая лошадь. И вот герой рассказа «Му-

станг-иноходец» очень досаждают ковбоям, уводя за собой их домашних кобылиц. Они пытаются загнать жеребца – но им не удастся ни поймать его, ни заставить перейти на галоп, на который непременно переходит лошадь при быстром беге – то есть шаг двумя передними, потом – двумя задними. Ну, все вы не раз видели галоп в кино. (Когда я, уже взрослой, стала ездить на лошади, то прочувствовала и рысь, и галоп – от него немного замирало сердце...)

Автор этого рассказа – Э. Сетон-Томпсон, канадский писатель, охотник, путешественник... Эта фамилия звучала для меня в детстве маняще и таинственно. Все рассказы были про животных. Первая его книжка (она вышла в самом конце XIX века и сразу имела огромный успех – об этом никто раньше не писал!) называлась довольно необычно – *«Животные, которых я знал»*.

Особенно я любила (и, честно признаюсь, люблю до сих пор) рассказ «Королевская Аналостанка».

В третьем и пятом классе (в четвертом я не училась – подготовилась за лето, сдала осенью все предметы специально собранной комиссии и «перескочила» в пятый; и сразу не скучно стало учиться) перечитывала его в течение года два, а иногда и три раза: дожидалась момента, когда немножко подзабуду, чтобы снова было интересно, и бралась за знакомую тоненькую книжку...

И вот что удивительно – начало этого рассказа я давно знала наизусть. А все равно снова и снова с наслаждением

читала знакомые первые фразы. Что-то в них, видимо, было (и есть!) притягательное.

«Мя-я-со! Мя-я-со! – пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

– Мя-я-со! Мя-я-со! – раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки... Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками пахучей вареной печенки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надежном убежище.

– Мя-я-со! Мя-я-со!

Все новые и новые пансионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. ... Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина... Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но – увы! – ее

беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить...

Кошки, не числящиеся в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, вдыхая упоительный аромат и надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем Бог послал, тощая и грязная. Нетрудно было догадаться, что в каком-то темном закоулке ее ждет голодное семейство».

И вот эта именно бездомная кошка становится главной героиней рассказа. Ее ждет головокружительная карьера! Это напоминает историю Золушки – только кошачьей. Но в жизни Королевской Аналостанки – и взлеты, и падения...

Пожалуй, все или почти все другие «Рассказы о животных» Сетона-Томпсона кончаются трагически. Но зато какие замечательные, выдающиеся звери и животные действуют в них! Если бы это были люди, можно было бы сказать – какие яркие, сильные личности! Даже Вулли... Не хочу пересказывать страшный конец истории пса, которого хозяйка разоблачила в преступлении.

«Домино. История одного черно-бурого лиса». Навсегда запомнилось, как в этом рассказе однажды отец-лис возвращается домой с добычей, и навстречу ему из норы высунулись пять черных носиков, и пять пар глазенок, блестящих, как бисер, уставились на него... И вот лис слышит лай собаки – и отважно устремляется ей навстречу, чтобы увести

подальше от норы, уберець от собаки своих деток... А в другой раз Домино (не только у домашних, но и у всех диких животных в рассказах Сетона-Томпсона есть имена – неизвестно, откуда они берутся, но автору видней) видит впервые в жизни «светло-рыжего с белыми пятнами» детеныша лани – такого маленького теленочка – и из любопытства идет за ним. «Вдруг послышался топот, и через несколько мгновений примчалась мать-лань. Шерсть у нее на хребте стояла дыбом, глаза горели злым зеленым огнем, и Домино тотчас же понял, что попал в беду». Еще одно приключение, и еще, и еще. И все – вокруг того, как самоотверженно защищают животные и звери своих детенышей, и часто – рискуя жизнью...

Но есть и истории с хорошим концом – например, про громадного оленя Песчаных холмов, которого несколько сезонов старается загнать охотник. (Кто хотел бы быть охотником – не оторвется от этого, да и других рассказов, где преследование зверя или животного – захватывающее приключение; кто не хотел бы – все равно интересно!)

И вот наконец охотник нагнал это прекрасное животное. Надо стрелять. «Олень стоял как изваяние. Он стоял и смотрел прямо в глаза Яну своими большими правдивыми глазами. Ружье дрогнуло в руке Яна. Он поднял его и снова опустил...»

И вот они стоят и смотрят в глаза друг другу. Потрясающий момент! И внутри охотника вдруг заговорил голос, об-

ращенный, к тому, кто только что был для него только дичью – не больше: «...Ступай, без страха броди по лесистым холмам – никогда более я не стану преследовать тебя. Чем больше я узнаю жизнь – тем ближе становишься ты мне, и я не могу смотреть на тебя как на добычу, как на лакомый кусок мяса.

Ступай спокойно, без страха.

Мы никогда с тобой не встретимся. Прощай!»

3

А в России про животных (и не только про них, но об этом – в следующий раз) замечательно писал Борис Житков. И про обезьяну (не одну), и про кошку, и про кенгуру, и про волка (так и называется – «Про волка»), и про слона – так и называется «Про слона».

Дело, конечно, происходит в Индии – там слоны издавна были первыми помощниками человека. И почти такими же ему близкими, как лошадь или собака. Ну, наверно, немного другого требует обхождения – слон все-таки.

Вот пришвартовался пароход – матросы вышли в Индии на берег. Идут по улице – все им в новинку, все интересно. «...Смотрим – навстречу слон. С ним четверо ребят – бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил... Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нем никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме?

Мотанет раз хоботом – и готово».

Да – это вам не в зоопарке. В зоопарке-то слонов многие из вас видели. А тут – по улице идет себе.

«А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, – кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил еще двоих сразу, а третий был маленький, лет четырех, должно быть, – на нем только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот – иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит – не возьмешь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошел – сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идет, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьется около ног, кривляется. И как раз, когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж! Никаких тебе. Поднял слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, все еще воевать пробовал».

И вот слон с мальчишками на спине отправился к лесу.

«Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам». Они стали с нее что-то обирать. «А маленький

подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит». А потом и вообще залез на ветку – и работает. А когда кончили работу и слон отпустил ветку – «а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал – полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путаные. Смотрим: слон в листьях хоботом шарит. Нашупал этого маленького – он там, видно, обезьянкой уцепился, – достал его и посадил на место».

И отправился к дому – а матросы следом: не могут оторваться, интересно ведь за ним наблюдать! А там дома хозяйка на него за что-то накричала – и отправила к колодцу. «Смотрим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит как будто пустую, вытащил – целая бадья там на веревке, ведер десять. Слон уперся корнем хобота в ручку, чтоб не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, тряхнул ушами и пошел прочь – не стал воду больше доставать, пошел под навес».

Тут как раз и хозяин появился.

Матросы стали у него спрашивать (по-английски, конечно, – он немного знал язык):

« – Чего это слон не выходит?

– А это он, – говорит, – обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочем работать не станет, пока не отойдет».

А тут слон вышел из-под навеса, пошел к калитке – «и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдет». А хозяин только смеется.

«Слон пошел к дереву, оперся боком и ну тереться. Дерево здоровое – прямо все ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор».

Русские моряки восхищаются: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, а ходит чесаться к дереву!

Говорят хозяину:

«Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

– Ну, – говорит, – если бы я полтораста лет прожил, не тому еще выучился бы».

Слон-то, оказывается, еще его деда нянчил.

Еще рассказано, как слоны на речке мыли своего слоненка. Очень забавно!

4

Но особенно я любила в детстве (тоже перечитывала не раз!) рассказ Житкова «Мангуста». Там описано, как храбрая мангуста борется с большой змеей. А именно этим они и знамениты, что – не боятся змей, а отважно на них нападают.

С человеком же, оказывается, ведут себя довольно мило. Вот один купил на Цейлоне двух мангуст в клетке и «решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу – готово: мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с коготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно – это она нарочно, так – играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса черным

блестящим глазом.

Мне скорее захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, как эта самая мангуста – юрк! – и уже побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, все нюхала и крикала: кррык! кррык! – как будто ворона. Я хотел ее поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки и уже в рукаве. Я поднял руку – и готово: мангуста уже за пазухой.

Она выглянула из-за пазухи, крикнула весело и снова спряталась. И вот слышу – она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел ее погладить и только поднес руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырех лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдернул, как от выстрела».

Так что это за зверек? Как он выглядит-то? Вот возьмите книжку Б. Житкова – и все там узнаете.

Про честь и мужество

Про эти замечательные человеческие качества, ради которых люди, ими наделенные, готовы жертвовать решительно всем, особенно охотно писали в первой половине XIX века – в эпоху *романтизма*.

Французский писатель **Проспер Мери́ме**, современник Пушкина (но надолго переживший его – он умер в 1870 году), был тесно связан с русской литературой: он переводил Пушкина, а Пушкин – его. Самая известная новелла Мери́ме – «Кармен», на сюжет которой написана знаменитая опера Ж. Визе, а в конце XX века снят замечательный фильм К. Сауры.

Но вам, к которым я обращаюсь, стоит в первую очередь прочесть маленькую новеллу «Маттео Фальконе». На меня в 12 лет она произвела сильнейшее впечатление; с тех пор я не раз ее перечитывала.

Дело происходит на острове Корсика (откуда, кстати сказать, был родом Наполеон), герой новеллы – храбрый корсиканец. Рассказывают, что он довольно круто разделался со своим соперником: «по крайней мере, Маттео приписывали

выстрел, поразивший этого соперника, когда тот брился перед зеркальцем, висевшим у окна. Когда это дело забылось, Маттео женился. Его жена Джузеппа подарила ему сначала одну за другой трех дочерей (что приводило его в бешенство), и, наконец, родила сына, которого он назвал Фортунато, – надежду семьи и наследника имени». Вот эти слова про «наследника имени», то есть – *честного* имени, – будут особенно важны для трагического сюжета новеллы. В центре ее – отец и его единственный сын, которому «едва минуло десять лет, но он уже обещал многое». Больше не прибавлю ни слова, но обещаю вам, что, начав читать эту короткую (в ней всего 12 с половиной страниц) новеллу, вы не оторветесь от нее, пока не дочитаете.

А после этого советую прочитать новеллу «Таманго» – совсем про другое, но главное – также про сильные страсти, владеющие сильными людьми.

Я считаю, что у русского писателя Бориса Житкова (который писал не только про животных, но и про людей) есть по крайней мере одна новелла, не менее сильная, чем новеллы Мериме. И к тому же она – тоже про итальянцев, как «Маттео Фальконе».

Есть у него такие «Морские истории», и среди них – рассказ «Механик Салерно». Начинается он, как обычно у Житкова, очень простыми фразами. И сразу – по сути дела:

«Итальянский пароход шел в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки».

Прямо сразу доставайте сборник рассказов Б. Житкова и читайте о том, что случилось. И другие «Морские истории» – тоже очень интересные. Острые приключения, с риском для жизни. Вообще-то писать он начал в 40 лет – и сразу отлично. Такие истории Житков хорошо знал, а в некоторых сам участвовал. Он вырос в порту, дяди у него были адмиралами, а сам он, закончив кораблестроительное отделение (это у него было второе высшее образование), получил чин мичмана. Море он знал с детства, и учил гребле Корнея Чуковского – когда оба были одесскими гимназистами.

Чуковский писал не только замечательные стихи для де-

тей («Муха-Цокотуха», «Тараканище», «Мойдодыр», «Айболит» – все их знают с трех-четырёх лет, я очень удивлюсь, если кто-то не сможет процитировать наизусть), а и много другого. Есть у него, например, мемуарный очерк «Борис Житков», и читать его не менее интересно, чем приключенческие повести.

Чуковский вспоминает: «Требовательность его не имела границ. Когда у меня срывалось весло, он смотрел на меня с такой безмерной гадливостью, что я чувствовал себя негодяем. Он требовал бесперебойной, квалифицированной, отчетливой гребли, я же первое время так сумбурно и неумощно орудовал тяжелыми веслами, что он то и дело с возмущением кричал:

– Перед берегом стыдно!

И хотя на берегу в такой холод не было ни одного человека, мне казалось, что все побережье, от гавани до Малого Фонтана, усеяно сотнями зрителей, которые затем и пришли, чтобы поиздеваться над моей неумелостью».

Мальчишками им «случалось бывать в море по семи, по восьми часов, порою и больше...» – мать Чуковского, раньше никогда не решавшаяся отпускать его к морю, теперь не возражала – «так магически действовало на нее имя Житков». Однажды они попали в шторм:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.